

По ноосфере разнесся мягкий звон, и волна радости и одобрения всколыхнула Аналитику. Еще одно имя официально установлено и внесено в список.

Файст назвал список «Вражеским каталогом»; тот теперь постоянно висел на гололитическом дисплее над центральной консолью в зале. На текущий момент в нем значилось двадцать два имени: каждое помечено алым шрифтом и каждое снабжено блоком кода, содержащим ссылки, дополнения и добавочные данные.

Двадцать два имени. Адепт Лолиск только что добавил двадцать второе, и Файст выгрузил послание с искренними поздравлениями. Дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки. Имена появлялись все чаще, заставляя команды информатиков Файста работать усерднее.

На взгляд Файста, это было все равно что распускать огромный гобелен. Сначала надо потратить немало времени, чтобы найти конец нужной нитки, но как только ты его нашел и потянул...

Находка адепта Синана несколько часов назад оказалась той самой нитью. Она позволила командам Файста сосредоточиться на определенных эрах обширных архивов и находить общие связи, указывая типы кода, операции, происхождение и даты. Найдя одну декларацию Механикум, они уже знали, что нужно искать. Определенный код малоизвестного языка, проходящий через пласты архивов, словно след драгоценного металла в породе, привел к настоящей золотой жиле. Они начали находить и научились распознавать данные, касающиеся машин, которые увязывались внутри информационного массива в единое целое. Одна находка зачастую вела к следующей.

Сейчас у них во «Вражеском каталоге» содержались имена двадцати двух, в основном доересевых, машин, сравнительные совпадения которых с машинами Архиврага, замеченными на Оресте, были подтверждены. Это не просто сопоставление имен. Для всех двадцати двух Аналитика смогла предоставить подробные регистры Механикум, касающиеся изначальных спецификаций, сборки и рабочих характеристик, — записи, которые пылились десять тысяч лет. У Файста еще был на очереди список из пяти машин, которые не попали во «Вражеский каталог» лишь потому, что их спецификации пока не вычленены из архивов.

У него было шестнадцать самых лучших адептов-кодолингвистов, мастерающих прямо на месте новые, сокращенные версии кода для ускорения транслитерации особо малопонятных или архаичных форм данных. У него было двадцать восемь адептов, перерабатывающих блоки переведенной информации в сжатые инфоговорные пакеты, чтобы любой принцепс на поле боя мог загрузить и получить данные о цели как можно быстрее. У него было сорок многоруких адептов, переброшенных из фабрикаториев Кузницы, каждый — искусный мастер с крайне высоким навыком мультимоторных функций. Файст определил их на скоростную сортировку материальных данных — манускриптов и свитков, к примеру. Все цифровое переводилось и сопоставлялось. Все напечатанное распознавалось, конвертировалось и переформатировалось.

Наконец-то Файст ощущал чувство удовлетворения. У него болела голова, но это пройдет.

У его консоли стояла адепт Лунос.

— Это может подождать?

— Я хочу вам кое-что показать, адепт, — сказала она.

Лунос была невзрачной девушкой с хорошей квалификацией, но ей не доставало уверенности в себе, поэтому она часто обращалась к Файсту за советом.

— Я сейчас по уши в работе, Лунос. Не могла бы ты обратиться к одному из контролеров в зале и...

— Я прошу вас. Я думаю, что именно вы должны на это взглянуть, — настаивала она. У нее было странное выражение лица.

Файст остановил и сохранил свой рабочий стол, затем поднялся на ноги.

— Тогда подожди минуту, — произнес он.

— Благодарю вас, адепт.

Пока они шли сквозь толкотню Аналитики, раздался новый звон и новый одобрителный говор. Двадцать третье имя только что добавилось во «Вражеский каталог». Файст мигнул ноосфере и увидел, что выгрузка пришла от адепта Зириса, доведя счет его подтверждениям уже до трех.

<Отличная работа, Зирис>.

<Спасибо, адепт>.

<Все подтверждено?>

<Я даже нашел отчет о первом испытании орудий и имена начального экипажа при приемке>.

<Выкладывай все>.

Лунос работала в одной из внешних комнат. У границы главного зала Аналитики откуда-то появилась адепт Калиен и увязалась за ними.

— Думаю, что мы продвинулись с «Летописями Хриза», — довольно заявила она.

— Это хорошо, Калиен, — похвалил Файст.

— Я надеялась услышать ваше мнение по некоторым расхождениям в структурировании.

«Нет, — подумал Файст, — ты хотела узнать, чем я занят».

— С удовольствием взгляну через секунду, Калиен, — сказал он. — Но сначала мне нужно кое в чем помочь адепту Лунос.

Калиен шла за ними, пока они не миновали главный зал и не прошли через новые комнаты, где адепты из фабрикаториев занимались скоростной сортировкой материальных и некантируемых данных.

— Я вот думала, — заметила Калиен на ходу, — почему адепты из фабрикаториев? Почему не специалисты по обработке данных?

— Тут дело в выборе наиболее значимой совокупности способностей. Эти адепты, может быть, не самые продуктивные обработчики данных, как большинство новобранцев Аналитики, но они в высшей степени квалифицированы в скоростной манипуляции физическими объектами. Вопрос: ты можешь распечатать манускрипт, провести им по пластинам оптического просмотра, отправить данные в хранилище памяти и запечатать исходный манускрипт так же быстро?

— Нет, адепт.

— И не повредив при этом оригинал?

— Нет, адепт.

— Вот поэтому этим заняты они, а не ты.

— Ясно.

— Пожалуй, тебе стоит вернуться к работе, Калиен. Я скоро подойду и посмотрю твои расхождения в структурировании.

— Благодарю вас, адепт, — сказала Калиен, развернулась и двинулась обратно.

Файст и Лунос добрались до рабочего места девушки. Лунос гаптически разблокировала станцию и вызвала из памяти рабочий стол.

«Она его заблокировала, прежде чем уйти, — подумал Файст. — Что за странный бзик в таком защищенном подразделении, как наше? С другой стороны, Лунос всегда была невротичкой. Наверное, просто чересчур осторожничает».

Легким поклоном Лунос предложила ему сесть за свою консоль. Файст сел и подключился.

<На что мне смотреть?> — прокантировал он, начиная просматривать и прокручивать данные.

Это был самый старый и самый поврежденный файл, какой он когда-либо видел. Испорченные коричневые данные на покрытом пятнами желтоватом поле.

<Это было отсканировано с манускрипта?> — добавил Файст.

<Нет, адепт, — торопливо ответила Лунос, — это транслитерировано с инфопластины. В заголовке сказано, что это цифровая копия реальной древней книги, но книги, похоже, больше не существует. Хотя архивная декларация утверждает, что книга должна быть в той же коробке>.

Файст продолжил просмотр.

<Я, правда, ничего тут не могу разобрать. Ты сказала, что это имеет отношение к машинам?>

— Нет, — ответила Лунос.

Файст глянул на нее:

— О, Лунос! Книга наверняка очень старая и интересная, но у нас нет времени на...

— Прошу вас. Я выделила нужный фрагмент.

Он снова погрузился в данные.

<Ничего не понимаю. Это настолько примитивно. Это субкогнатикс?>

<Ранняя форма. Я предлагаю вам использовать цифровые улучшения типа 1101001>.

<Применяю... Да, вот так лучше. А, ты еще и сумела приглушить часть магнитной грязи. Гораздо лучше>.

Он начал читать, сначала быстро, проскакивая глазами по старому коду. Затем замедлился и

перечитал заново.

Затем отмотал и медленно прочитал еще раз.

Лунос стояла рядом все десять минут в молчании, пока он читал.

Файст поднял на нее глаза. Его лицо было бледным.

— Сколько здесь еще такого?

— Много.

— Лунос, это же... — Дар речи покинул его на какое-то время.

— Вот поэтому я пошла за вами, — ответила она.

>

За несколько столетий мастерского использования приемов ведения войны он получил прозвище Красная Фурия. Он был одним из самых уважаемых принцепсов максимум в воинстве Механикус и всегда сам внушал страх. Но сейчас он боялся.

Когда величественные сборочные площадки горы Сигилит подверглись мощной атаке, сразу как пробили куранты улья, лорд Геархарт размышлял о смерти.

Крутой западный склон могучего сооружения — фабрики-крепости размером с субулей, встроеной в самое сердце скального массива, — штурмовали уже третий день. Прорвавшись на восток через Шалтарские очистительные, огромное количество наземных сил и артиллерии Архиврага собралось здесь ради бомбардировки западного бастиона горы Сигилит.

Геархарт размышлял. Архивраг, по его долгому опыту, зачастую не обращал внимания на логичную тактику и стратегическое преимущество, но тут было странное решение даже по извращенным меркам Архиврага. Было общеизвестно, что западный бастион — самый надежный и крепкий участок обороны Сборочной Площадки, обильно усеянный тяжелыми батареями, лазерными барьерами и пустотными щитами. Скала представляла собой куртину девяностометровой толщины, а внешняя сторона утеса была практически неприступной для карабкающихся войск. И все же враг упорствовал, несмотря на несколько ударов штурмовой авиации улья.

«Что они знают? — спрашивал он себя. — Какие мысли скрывают за слепой агрессией?»

Игнорировать дальше их было уже нельзя, и Геархарт послал туда Бормана, командующего «Дивинитус Монструм», во главе отряда из четырех махин. Прямо перед боем ульевых курантов Борман отрапортовал, что отряд идет полным ходом в менее чем тридцати минутах от столкновения с врагом у западного бастиона. Борман с удовольствием предвкушал повторение сокрушительной битвы махин против наземных войск, как в Подгоксовом Крае.

Затем начался мощный штурм. К северным воротам сборочных площадок, к месту, известному как Ступени Титанов, бок о бок явились три вражеских «Разбойника»(Reaver).

Ночь выдалась ясной и холодной. Машины вышли атакующим шагом из рабочего поселения Гокс и разогнали тьму. «Разбойники» целеустремленно направлялись к северным воротам, непрерывно выпуская из гигантских ракетных коробов на жучьих спинах свистящие потоки ракет.

Глядя в манифольд из своей раки, Геархарт наконец-то понял тактический замысел Архиврага. Массированная атака на западный бастион служила для отвлечения внимания, чтобы постараться оттянуть силы от гораздо более уязвимых Ступеней Титанов.

Грубая и неуклюжая попытка сбить с толку. Детская уловка. Это было именно то, что, после тщательного обдумывания атаки на западный бастион, Геархарт и предвидел. И почему, в свою очередь, «Инвиктус Антагонистес» ждал встречи с ними у Ступеней Титанов.

Ступени Титанов были, по существу, огромной вереницей широких ступенчатых платформ, высеченных в склоне горы Сигилит. Платформы шли от подъема северных ворот в стене утеса вниз, к широкой сквозной магистрали, уходящей на запад к Аргентуму. Ступени были сделаны специально, чтобы машины могли спускаться своим ходом, с платформы на платформу, со сборочных площадок, как люди спускаются по широкой лестнице. Через каждые несколько сотен метров узкие лестницы человеческих размеров сбегали между гигантскими ступенями. Ступени Титанов были одной из самых впечатляющих и знаменитых достопримечательностей Ореста, уступая лишь Марсову полю. Во время праздников здесь собирались огромные толпы, чтобы посмотреть, как новые или восстановленные машины торжественно сходят с величественных площадок. Такие события передавались на всех публичных экранах в прямом эфире.

В свете позднего дня «Инвиктус Антагонистес» тяжело взошел по первым нескольким ступеням, затем сдал задним ходом к нависающему скальному выступу сбоку от огромной ступенчатой арены, словно часовой, вставший спиной к стене.

Геархарт отдал приказ отключения систем на пятнадцать минут.

— Попить и поесть, — передал он своему модерати Берналу через аугмиттеры. — Всем отстегнуться и размяться. Лично проверить автоматы зарядания, модерати.

— Есть, мой принцепс.

Пьетор Геархарт по любым человеческим меркам был существом древним. Его тело на шестьдесят восемь процентов состояло из бионики, а оставшаяся плоть была много раз пересажена. С блоком мыслеуправления «Инвиктус Антагонистес» он был связан триста тридцать сидерических лет, а принципсом максимус легио пробыл двести восемьдесят три. До принциптуры восемнадцать лет служил модерати на «Августус Терминатус» под началом Люциуса Каринга, до этого — шесть лет фамулюсом у придиричивого капитана махины Эрвина Гекаты на борту неукротимого «Империус Диктацио».

Это была долгая жизнь — и полная событий. Единственное, чего боялся Геархарт, — это окончательного исчезновения своей человеческой сути.

Постепенную потерю и замену физического тела он мог перенести. Не считая обычных обновлений, медицинских осмотров и время от времени лечения от ран, он находился в амниотической раке более трехсот лет. В подобных условиях плоть и кости слабели и разрушались, невзирая на всю тщательность биологического ремонта.

Медленное разложение было вполне ожидаемым, и мало кто из принципсов его страшился. Что сожалеть о потере моторных функций или твердости мускулов на руках и ногах, когда ты можешь потрясать шагами землю, видеть на тысячи километров и разрушать целые города небрежным движением мысли?

Нет, если чего и страшился Геархарт, так это потери своей личности. Он знал, что в конце концов это случится. Как атрофируется тело, так и разум все больше и больше уходит в плотную матрицу БМУ, а личность — деградирует.

Геархарт начал бороться с неумолимым сползанием во тьму, стараясь сохранить ощущение себя. Он пытался установить человеческие отношения с экипажем и друзьями принципсами, обращаясь к ним по имени и уделяя особое внимание признанию их физических нужд и ограничений. Он стал разговаривать с ними напрямую, когда возможно, и старался использовать аугмиттеры вместо скоростного канта. Он изо всех сил пытался общаться с ними как человек, а не командующая машина. Он боролся за то, чтобы оставаться человеком, несмотря на тот факт, что от него самого сохранился практически лишь могучий мозг, поддерживаемый в беспомощном замедлении жизненных функций, — все, что осталось в нем действующего.

В последние годы внешние границы разума начала поглощать глухая тьма, словно отмирали внешние, человеческие слои Пьетора Геархарта — отмирали или становились ненужными.

Геархарт ненавидел признаки подступающей тьмы. Не хотел теряться в ней. Он не хотел умереть или, по крайней мере, перестать быть Пьетором Геархартом.

Он знал, что это такое. Он видел старого Каринга в конце этого процесса, видел, как тот бредил в своем резервуаре, прежде чем им пришлось отсоединить его.

Солнце опускалось все ниже; они ждали, стоя на Ступенях Титанов. Бернал и остальной

свободный экипаж болтались по мостику, посасывая питательную жидкость, разминая ноги и проверяя аппаратуру. Венк, техножрец, вышел из своей каморки провести службу о ниспослании благодати.

Через манифольд Gearhart наблюдал, как небеса наливаются розовым и солнце медленно тонет, превращаясь в апельсиновые корки света на горизонте. Неожиданно осознав, что на него тоже на секунду опустился внутренний закат, Gearhart был вынужден заставить себя очнуться при помощи оживленной беседы.

— Похоже, будет холодная ночь, умеренности, — произнес он через аугмиттеры.

Бернал замаялся, не зная, что ответить. В последнее время принцепс начинал удивлять его попытками простого общения. Как разговаривать с принцепсом о том, какая будет погода? Конечно, Gearhart знал все заранее. На обшивке корпуса — температурные мониторы, сенсоры давления воздуха окружающей среды, ветряные флюгеры плюс предсказывающая метеорологическая диаграмма в манифольде. Gearhart не был, собственно говоря, человеком — тем человеком, который бы праздно трепался с ним о погоде, словно с другом или товарищем.

— В самом деле, мой принцепс? — сумел лишь выдавить умеренности.

— О да, Бернал. Грядет буря с юга, из Астроблемы, — ответил Gearhart.

— На самом деле климатические данные из Принципала не сообщают о буре, мой принцепс, — сказал Бернал.

— Попомни мои слова. Песчаная взвесь в воздухе. Розовый песок. Пахнет графитом. Я считываю это очень четко на данный момент.

— Признаю свою ошибку, мой принцепс.

— Грядет большая буря.

Когда грянула буря, она не имела ничего общего с Астроблемой и песком, но была тем не менее сильной.

— Системы к бою, щиты поднять! — крикнул Gearhart.

— Есть системы к бою, щиты поднять! — отозвался Бернал.

Послышался нарастающий гул энергии и щелчки зубчатых передач, встающих в рабочее положение.

— Щиты включены, — доложил сенсоры. — Множественный встречный ракетный огонь, разброс широкий. Значительные повреждения Ступеней Титанов. Значительные повреждения северных ворот и сборочных площадок. Батареи северных ворот ведут ответный огонь.

Геархарт и сам это видел. В прозрачных, как стекло, сумерках стремительно проносились и вонзались в древние стены северных ворот полосы множества ракет. В ответ батареи «Гидр» и башни турболазеров, встроенных в стену, выпускали плотные стаи крошечных комет под гору, в черно-синие просторы Гокса.

— Мы выступаем, принцепс? — спросил рулевой.

— Отставить, отставить, рулевой Зофал. Мы же не хотим испортить весь сюрприз, а?

Экипаж мостика рассмеялся, но Геархарт чувствовал их напряжение. Неудивительно, ведь они были частями одного большого неврального гештальта.

— Зарядить все элементы вооружения, — отдал он указания.

— Все орудия к бою! — приказал Бернал.

«Опять принцепс использует для приказов по кокпиту голосовые аугмиттеры вместо кантирования, — подумал Бернал. — Откуда эта новая привычка?»

Геархарт ощутил успокаивающий лязг массивных автоматов заряжания, растущее давление сверхперегретой плазмы и тепло излучения лазерной энергетики. Он вздохнул, когда ракетная платформа открыла шторы, словно веки. На заднем плане он чувствовал беспокойство Бернала. Возможно, когда закончится бой, ему следует снять с себя эту ношу и поведать Берналу о своих страхах. Поймет ли модерати или это послужит лишь усилению его беспокойства? Смогут они поговорить как человек с человеком, как друг с другом или это будет разговор человека с атрофированным существом в раке?

— Бернал, цели, будьте добры.

— Засечены следы двух целей, мой принцепс, — доложил сенсоры. — «Владыки войны»!

Геархарт поцокал языком:

— Проверьте след еще раз, сенсоры Веккерс. Ночь холодная, и силуэты пустотных щитов сливаются в больший отклик, чем обычно. Сделайте поправку на переданное искажение.

— Виноваты, мой принцепс, — сказал Бернал. — Теперь видны три меньшие цели. «Разбойники», направление сто один, идут полным ходом.

Геархарт улыбнулся. Этому его научил Каринг. Он воспроизвел память, вспоминая опыт прошлого: столкновение с гаргантами на Октобрисе Альфа, другая внезапная ночная атака.

— Холодный воздух многократно увеличивает отклик ауспика и размывает его, модерати Бернал! Отделите эти следы!

Пальцы Геархарта сжались: БМУ не терпелось наносить боль и горести. Геархарт сдержал этот порыв. Нужно подождать. БМУ поторопил его — ненасытный, голодный. «Пошел к черту! — отозвался Геархарт. — Я тут пока главный!»

Атака Архиврага была столь же кривой, сколь и топорной. Даже без учета идиотской самонадеянности на успешный отвлекающий маневр. Холодный ночной воздух заставлял все, что находилось на открытой местности, просто кричать засветкой щитов. Геархарт через манифольд видел все три марширующих «Разбойника» — ярко-белых на тускло-синем фоне поселения.

Тем не менее они делали свое дело. Все трое были оснащены толстыми многозарядными ракетными контейнерами, подвешенными вместо рук. Совместный их натиск сровнял бы с землей любой небольшой городишко. Ракета за ракетой пылающие стрелы огня хлестали из темноты поселения и били в стены и поднятые щиты Площадки. Бурлящие, вздымающиеся ураганы пламени отражались от щитов и поверхности стен. Вокс визжал мусорным кодом.

Ворота держались.

Настало время для ответа.

— Будьте готовы сделать два шага, рулевой Зофал. Как только мы отойдем от стены, Бернал, мне нужна четкая фиксация как минимум на одной из этих зверюг.

— Есть, мой принцепс.

— Вводные данные на атакующие машины?

— Перенаправляю на вас, мой принцепс.

Геархарт мгновенно просмотрел данные. Ничего полезного. Открыл канал связи с Орестом Принципал через мощные системы связи «Инвиктус Антагонистес»:

— Аналитика! Вызываю Аналитику! Это «Антагонистес». Есть у вас что-нибудь на следующие образцы? — и передал данные ускоренными высокочастотными импульсами.

— Милорд, — затрещал вокс, — это адепт Синан из Аналитики. Ожидайте проверки

совпадений.

— Жду вашего ответа, Синан, — сказал Геархарт.

Через несколько секунд пришло:

— Пожалуйста, ждите, «Антагонистес».

— Не торопитесь, у нас времени полно, Принципал, — усмехнулся Геархарт.

Экипаж мостика снова засмеялся.

— Совпадение обнаружено. Передаю.

Данные побежали по полю зрения манифольда — текст в сопровождении кадров пикт-съемки для пояснения деталей.

<«Разбойник»: неизвестно/не обозначено, ранее опознан на кадрах Орестского сражения по частично сохранившейся гравировке серийного номера на корпусе. Установлен как «Пугнус Альтеркате» при приемке/пуске. «Разбойник» производства Марса доересевой эпохи. Оригинальные спецификации машины следуют в инфоговорном сжатом пакете>.

Геархарт принял инфоговорку и просмотрел ее за секунду:

— «Альтеркате», как сообщают, проявляет рассогласование щитов на нижних моторах. Он буквально слаб в коленках — плохой стык. Модерати Бернал, передаю подробности для расчета поражения цели.

— Принимаю. Жизнеспособный расчет поражения получен, мой принцепс.

— Нацельте деструктор. Будьте готовы и ждите.

Новые данные посыпались в манифольд.

<«Разбойник»: сейчас называет себя «Фантом Магнус», опознан на...>

— У нас нет времени для подробностей, Принципал! — сердито воскликнул Геархарт.

<Как угодно. «Фантом Магнус» установлен как «Титанус Бриарус» при приемке. «Разбойник» производства Марса доересевой эпохи. «Бриарус» изначально показал точечную уязвимость

щита вдоль корпуса по следующим переданным в сжатом виде векторам>.

— Векторы получены, Принципал, — ответил ГEARХАРТ. — БЕРНАЛ?

— Есть расчет поражения цели на вторую машину, мой принцепс. Деструктор нацелен.

— Будьте готовы, модерати. Аналитика! Вызываю Аналитику! Есть что-нибудь на третью машину?

— Результат поиска совпадений на этот раз отрицательный, «Антагонистес».

— Благодарю, Принципал. Остальное мы сделаем сами.

— Доброй охоты, милорд.

ГЕАРХАРТ скользнул к передней стенке раки.

— Вперед на два шага, рулевой Зофал! БЕРНАЛ, вы получили расчеты поражения целей?

— Так точно, мой принцепс.

«Инвиктус Антагонистес» качнулся вперед. Приближающиеся «Разбойники» увидели засветку его щитов за секунду до того, как он выступил из-за скрывающей его стены, завизжали тревогу на мусорном коде, но шага не сбавили. Хотя они были меньше размером, чем массивный «Владыка войны», но быстрее, тяжелее вооружены, и их было трое.

Залпы ракет осыпали ступени и северные ворота и забарабанили по щитам «Антагонистес». Могучий «Владыка войны» содрогнулся, когда его выставленные энергетические стены поглотили ярость попаданий.

— БЕРНАЛ?

— Да, мой принцепс?

— Давайте.

С грохотом шагая по огромным Ступеням Титанов навстречу врагу, «Инвиктус Антагонистес» открыл огонь.

Ухающие залпы мощного деструктора «Инвиктус Антагонистес» ударили в «Разбойника»,

который десятью тысячами лет ранее звался «Пугнус Альтеркате».

Обжигающие сгустки плазмы врезались в «Разбойника», который когда-то был известен как «Титанус Бриарус».

Столкнувшись с имперским титаном типа «Владыка войны», который спускался к ним, пылая яростью, все три «Разбойника» увеличили частоту стрельбы. Омываемый огнем и разрывами, «Инвиктус Антагонистес» шел на них.

Сведения Аналитики оказались бесценными.

Деструктор Геархарта пробил предположительное уязвимое место на уровне колен «Пугнус Альтеркате». Подорванные, его щиты начали кружиться в попытках слиться вновь, но беспощадные выстрелы уже перебили мерзкой машине конечности. Со скрежетом деформирующегося и разрываемого металла ноги «Разбойника» повело, и тот повалился лицом вперед. Сбитые щиты яростно лопнули. Оседающий корпус рухнул на ступени с таким грохотом, что показалось — ударил гром; ноги выгнулись назад и переломились.

Секундой позже остатки ракетного боезапаса древнего скорбного «Пугнус Альтеркате» рванули, поглотив корпус, и тот взорвался огромным грязным шаром огня.

Одновременно с этим сгустки плазмы «Инвиктус Антагонистес» нашли указанные древние уязвимости на плече «Титанус Бриарус». Небольшое место, легкий дефект, одна тысячная несходности, говоря точными числами. А Механикум всегда был очень точен в числах.

Левая сторона «Титанус Бриарус» — теперь демонической махины, носящей имя «Фантом Магнус», — взорвалась фонтаном обломков и перегретого газа. Левая орудийная конечность, оторванная целиком, упала на ступени в ливне огня и покатила вниз, пылая. «Титанус Бриарус» откинуло назад. Балансируя на ступенях, он напряг все механизмы и, скрежеща металлом, попытался восстановить равновесие. Из нижней части ходовой полыхнуло пламя.

«Антагонистес» безжалостно ударил снова — двумя ракетами из контейнера. Первая разнесла в клочья спадающие щиты «Бриаруса». Вторая впечаталась в его лицо, взорвав кокпит и заднюю часть кожуха.

«Титанус Бриарус» пошатнулся, заколебался и повалился назад, покотившись по ступеням с тяжелыми хрусткими ударами. Он рухнул спиной на магистраль внизу и вспыхнул, словно факел.

— Все еще хочешь играть? — спросил Геархарт оставшегося «Разбойника».

Экипаж снова расхохотался. Принцепс максимум находился в прекрасной форме и приподнятом настроении.

Оставшийся «Разбойник» начал сдавать назад, отступая вниз по ступеням.

<«Кхарнус Коллидус»!> — выплюнул он потоком мусорного кода.

<Ты не «Кхарнус Коллидус», — невозмутимо отвечал Герхарт. — Когда-то ты был другим — величественным и исключительным. Мне жаль тебя. Скажи, прежде чем я тебя убью, как тебя звали тогда, в прежние времена?>

<«Кхарнус Коллидус»!> — завопил тот в ответ.

Он снова открыл огонь, выпуская потоки бронебойных реактивных снарядов в могучий имперский титан. Огненный ореол окружил «Инвиктус Антагонистес» — щиты отражали взрывы. Герхарт спустился еще на шаг по знаменитым Ступеням Титанов.

— Бернал?

— Да, мой принцепс?

— Сейчас будет сурово, по старинке.

— Да, мой принцепс.

— Болтеры, Бернал, деструктор, ракеты — все, что у нас есть. Я не позволю этой извращенной твари жить ни секунды дольше. Я хочу, чтобы она была избавлена от своих страданий и бесчестья.

— Слушаюсь, мой принцепс.

Громадный, массивный «Инвиктус Антагонистес» зашагал по ступеням, обрушивая весь свой арсенал на отступающего «Разбойника». Вражеская махина огрызнулась всем чем можно, ракетные контейнеры залпового огня выпускали потоки реактивных снарядов на пределе скорости заряжания.

На краткий миг Ступени Титанов осветились так, словно выглянуло полуденное солнце и превратилось в сверхновую. Едва ли сотня метров разделяла сражающиеся машины, и они, не снижая натиска, опустошали свои арсеналы, которых хватило бы на несколько небольших войн, друг в друга — в упор, махина против машины. На схватку ушло десять куботонн быстрозаряжаемых бризантных боеприпасов.

Щиты «Разбойника» сдались первыми под натиском «Инвиктус Антагонистес». Лишившись защиты, он начал содрогаться и трещать, сминаться и терять куски обшивки, таять и рассыпаться — разваливаться, испуская фонтаны из ключев брони; от него отлетали куски

металла. Затем что-то попало в реактор, и он взорвался.

— Сдохни, мерзкая тварь! — зашипел ГEARХАРТ, не прекращая огня.

«Разбойника» разнесло в куски. Рваные клочья унесло в ночь. Его смерть была ослепительной, как ядро звезды.

— Стоп машина! — скомандовал ГEARХАРТ.

— Есть стоп машина, мой принцепс!

— Передохнем минуту, — сказал ГEARХАРТ. Его жизненные показатели поднялись к самой границе безопасного уровня. Сердце болело. Мысли путались. Подкрадывалась тьма.

— Модерати Бернал?

— Да, мой принцепс?

Чем больше он сопротивлялся, тем больше терял себя.

— Холодная ночка, а?

— Да, мой принцепс.

— Сигнализируйте Аналитике и передайте благодарность за их старания. Они подарили нам эту победу.

— Слушаюсь, мой принцепс.

ГEARХАРТ слышал, как модерати подключился к воксу. Голос превратился в глухой шелест, в туман. Зрение поплыло. Он внезапно почувствовал страшную усталость. Напряжение боя теперь быстро лишало его сил. Он расслабился на секунду, и вокруг потемнело, звуки заглохли.

Особенно темно становилось, когда он уставал.

Вздвoгнув, ГEARХАРТ заставил тьму отступить.

Со мной еще не покончено. Слышишь? Со мной еще не покончено.

>

Во многих километрах к югу от горы Сигилит из башен Антиума «Доминатус Виктрикс» вышла в объятия другой ночной бури.

Эта буря по природе своей была атмосферной. Она собиралась несколько дней над обширными пустынями Астроблемы, а затем яростно выплеснулась на север — через осажденные вассальные государства прямо в зону ульев. Это был тот же монстр стихии, что тряс модульное укрытие Мобилизованной двадцать шестой в далеком Торном Следе.

К тому времени, когда буря дошла до поселений Гинекса, она уже растеряла часть своих зубов и яда, но напора ее ветров хватало, чтобы заставлять напрягаться инерционные демпферы и гиросtabilизаторы махины. Ночь скрылась в крутящихся потоках розового песка. И хотя шагающий по левому борту «Тантамаунт Страйдекс» был недалеко, они могли ее видеть только по засветке ауспика и через манифольд.

Не очень благоприятное начало. Тарсес предпочел бы условия получше для ходовых испытаний отремонтированной махины, особенно с новым экипажем и принцепсом, который пока не был знаком с ее недостатками.

«И с войной», — напомнил себе Тарсес.

Принцепсом, который пока не был знаком с настоящей войной.

Тем не менее Тарсес получал удовольствие. Вернуться обратно в старое кресло, почувствовать, как «Виктрикс» идет снова, могучая и неукротимая, — тут было чем наслаждаться. Подключиться после долгого перерыва было словно прийти домой или воссоединиться с давно оставленной любовью. Тарсес позабыл, как удобно его разум укладывался в специфичный склад характера БМУ махины. Или наоборот, БМУ — в его разум, кто знает? Как бы то ни было, он позволил своему сознанию дрейфовать по течениям импульсов, направляемых ритмом механизмов махины. Вдали от «Виктрикс» его воспоминания быстро таяли, оставляя лишь чувство потери и одиночества. Столь быстро и столь полно он позабыл, каким исключительным и необычным был БМУ. У него имелись свои вкусы и свой характер, довольно сильно отличающиеся от вкусов и характера других махин. Тарсес пустил ненадолго абсолютную громаду «Владыки войны», столь безумно тяжелую, в свои мысли и затрепетал от ее сдержанной мощи.

Насколько он мог сказать, в «Виктрикс» не чувствовалось возмущения новой принцептурой, поставленной над ней командовать. Даже если что-то и было, то оно, скорее всего, проявится лишь в напряжении боя. Очень слабо, словно какое-то послевкусие, Тарсес ощутил что-то похожее на грусть, словно «Доминатус Виктрикс» осознавала смерть Скаугена и остальных.

Каким-то образом это его успокоило.

— Прошли вешку восемьдесят восемь, — объявил сенсоры. — Выходим к магистрали семьсот девяносто семь — шоссе Фиделис и входим в обогатительную зону Лексала.

— Принято, сенсоры Кальдер, — откликнулся Тарсес.

<Благодарю, сенсоры>, — прокантировал Принцхорн из раки.

Сильные порывы ветра потряхивали машину, и Тарсес слышал шорох песка, бьющего в корпус.

<Песчаной бури только не хватало, — пробурчал Принцхорн. — Идти по приборам — не самый лучший метод. И абразивное действие песка портит отделку корпуса>.

Тарсес покачал головой: этот идиот беспокоится о краске.

— Это прискорбно, принцепс, хотя я полагаю, что мы справимся.

— Мой принцепс не говорит, что мы не справимся, модерати, — вмешалась Фейрика, стоявшая сбоку от раки.

«Ты бы тоже язык попридержала», — подумал Тарсес.

Замечание Принцхорна говорило само за себя. Ему не хватало визуального наблюдения, которого его лишила песчаная буря, потому что, по его собственному признанию, идти только по приборам для него было не самым лучшим методом.

Тарсес знал, что на самом деле все обстоит иначе, и знал, что любой мало-мальски опытный принцепс согласился бы с ним. Принцепсу не нужно видеть глазами, а грязных окон и размытой пикт-съемки машины в любом случае будет мало для выполнения задачи. В войне машин, учитывая дальнобойность и мощь арсенала титанов, противник, скорее всего, будет находиться за пределами визуального различения. Большая часть сражений машин происходит на дистанции пять километров и больше. Помоги тебе Трон, если ты окажешься ближе. Это сценарий для взаимного убийства, если только ты не «Пес войны» во время внезапного нападения из засады или, как показала сегодняшняя ночная передача с горы Сигилит, ты не лорд Геархарт. Подробности были обрывочными, но стало понятно, что на закате Красная Фурия уложил трех вражеских «Разбойников» на Ступенях Титанов в ходе быстрого, яростного и близкого противостояния.

Новости воодушевили всех. Только у Геархарта были настолько керамитовые яйца, чтобы рискнуть и решиться на такой поединок.

Отвергая приборы, Принцхорн выдавал свою исключительную неопытность. Хороший принцепс жил и сражался по приборам и внимал миру лишь через манифольд, даже когда на горизонте было чисто. Скауген часто отключал пикт-передачу, оптику и временами закрывал заслонки на

окнах кокпита, чтобы сосредоточиться на данных инструментария. Тарсес надеялся, что Принцхорн научится этому быстро.

Когда Принцхорн сделал свое замечание насчет «только по приборам», Тарсес случайно перехватил взгляд рулевого Анила. Они мрачно ухмыльнулись друг другу. Оба думали об одном и том же.

Тарсес не сводил глаз с ауспика, что, собственно, было его заботой — обработка колеблющегося, постоянно меняющегося потока отраженных сигналов. Следуя распоряжению Принцхорна, всю систему ауспика «Доминатус Виктрикс», включая выносные датчики и периферию, вынули и заменили — старую на новую. Это была отличная новая система: аппаратура орестской модели, гораздо лучше старой модели с Проксима, с эйзонными накопителями, собственным подчиненным субсервиторным живым мозгом и опциями свободного поиска, сохранения карт и векторизации множественных целей. Тарсес заметил с некоторым веселым удивлением, что ауспик по-прежнему выдает ложную засветку.

А я ему говорил.

Они целеустремленно шли средним ходом через горячую пыль по разрушенному ландшафту Лексала. Немногие обогатительные комплексы все еще работали, и цветы их газовых факелов — раскаленные добела конусы в манифольде — добавляли путаницы в показания приборов. Тарсес бывал в подобных ситуациях и поэтому отсеивал входящие данные тщательно и умело.

<Цель!> — внезапно объявил Принцхорн, и махина напряглась, щелкая автоматами заряжания.

— Никак нет, принцепс, — отозвался Тарсес. — Это паразитное отражение струй газа из «Памольд Рефинум», направление двести пятьдесят один, искаженное песком в воздухе.

<Ауспик по-прежнему выдает ложную засветку?> — спросил ошеломленный Принцхорн.

Конечно выдает, идиот. Так хочет «Виктрикс».

— Это просто атмосферные помехи, принцепс, — соврал Тарсес, не желая углубляться в тему.
— Черт бы побрал эти помехи.

<В точности мои чувства, модерати>, — откликнулся Принцхорн.

«О Трон! Он боится, — подумал Тарсес. — И — о Трон! — я все еще не могу заставить себя называть его „мой принцепс“. Да что со мной?»

Рисунок отраженного сигнала внезапно снова изменился. На этот раз Тарсес обратил на него большее внимание. Что-то пропало, что-то было не так.

Он подался вперед, нахмурившись, и стал осторожно регулировать усиление.

— Куда «Страйдекс» пропал? — пробормотал Кальдер.

— И я об этом же думаю, — отозвался Тарсес.

Он был прямо тут: большой и четкий сигнал по левому борту. Все отражения и следы «Владыки войны» «Тантамаунт Страйдекс» внезапно исчезли.

— Как такое возможно? — начал Кальдер.

<Что происходит?> — потребовал ответа Принцхорн.

— Подождите минуту, принцепс, — сказал Тарсес, подняв ладонь. — У нас аномалия. Сенсори?

— Да, модерати?

— Немедленно проверьте журнал вокса. В этой адской буре мы могли пропустить сигнал к маневру от «Страйдекса»!

— Проверяю, модерати.

<Я не буду просить дважды, Тарсес!> — выплюнул Принцхорн.

Тарсес чувствовал растущее напряжение Принцхорна через свое подключение. Все токи машины оживились, отзываясь на взволнованность принцепса. «Сам погляди, — хотелось огрызнуться Тарсесу. — Глянь в чертов манифольд. Я ничего не скрываю. Вот он, четкий и ясный, ждет, пока ты взглянешь».

<Модерати!>

— Мы потеряли контакт с «Тантамаунт Страйдекс», принцепс.

<Он был прямо рядом с нами. Это, должно быть, сбой вокса>.

— Я не говорю о вокс-связи, принцепс. Мы потеряли отраженный сигнал. Его там больше нет.

<Это невозможно>.

— И все же, — сказал Тарсес.

Он тоже чувствовал необъяснимость произошедшего. Как можно потерять нечто настолько большое, как «Владыка войны» модели Ореста, даже посреди песчаной бури?

<Он должен быть там!>

— Вызываю их, — ответил Тарсес.

— Я просмотрел журнал вокса, — сказал Кальдер. — Вообще ничего, никаких сигналов, но есть небольшой всплеск кодового шума по времени около сорока трех секунд назад.

— Очисти его и прогони через модификаторы, — приказал Тарсес. — Быстро! Ищи любые сигнальные указатели, метки позывных, идентификаторы данных.

— Слушаюсь, модерати, — ответил Кальдер, кладя на пульт ловкие, искусные пальцы.

Тарсес активировал вокс на устойчивой волне:

— «Страйдекс», «Страйдекс», «Страйдекс», это «Виктрикс». Сообщите о своем положении. Прием.

Он настроил вокс на повторение вызова и вдобавок закодировал его в бинарный сжатый пакет — с двойным запасом надежности.

<Повторить вызов!>

— Повторяю, принцепс, — откликнулся Тарсес. — Ничего. Нулевой ответ.

Работая за пультом, Тарсес одновременно наблюдал за ауспиком. Было ли это ложное отражение? Подшучивала ли «Виктрикс» над ними, как часто это делала раньше? «Доминатус Виктрикс» иногда бывала своевольной и переменчивой. Ее нравилось играть в игры со своими человеческими коллегами.

«Сейчас не время, леди», — подумалось ему.

— Модерати? — позвал Кальдер со своего места.

— Говори.

<Фамулюс, удалите Тарсеса с его кресла и отстраните от исполнения обязанностей! Он умышленно...>

— Принцхорн! Ты что, не видишь? Смотри! — заорал Тарсес.

Принцхорн помедлил.

<Я вижу данные с четким отраженным сигналом. Никаких ложных отражений. Отчетливо наблюдаю «Владыку войны». «Тантамаунт Страйдекс» вернулся в зону видимости, хотя понятия не имею, как она оказалась впереди нас. Вызовите его и...>

— Это не «Тантамаунт Страйдекс», — произнес Тарсес.

Принцхорн в раке замер. Он посмотрел поток данных, потом полуиздал инфоговорку, но все, что вышло, — лишь заикающаяся мешанина кода.

<Как?..> — начал он.

— Орудия к бою, немедленно! — закричал Тарсес.

Из ночи и воющей, слепящей пыльной бури выступил «Владыка войны» Архиврага и зашагал в их сторону; орудийные установки с треском выпускали прямо по ним выстрел за выстрелом.

***

Вот еще немного 'Пса войны' и 'Разбойника'

<http://tl.rulate.ru/book/30591/660655>